

ГОРОДСКАЯ ПРОЗА

Хачатур
ИСМАИЛОВ

«...ЕЩЁ 28 МИНУТ»

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И87

Исмаилов, Хачатур.

И87 «...ещё 28 минут»/Исмаилов Х. — Москва: Издательство АСТ, 2020 — 160 с. — (Городская проза)

ISBN 978-5-17-088257-1

«...ещё 28 минут» — литературный дебют Хачатура Исмаилова. Это остросюжетная повесть, в которой есть и погони, и террористы, и доблестные солдаты, и захват в плен, и освобождение из него, но главное — в ней есть дружба, принятие, понимание и истинная братская любовь. История, отправной точкой которой стал реальный случай из детства автора, захватывает ярким сюжетом и заставляет задуматься, ставя перед читателем глобальные, общечеловеческие вопросы: кто проводит границы между странами и решает, кого любить, а кого ненавидеть, и что сильнее: антагонизм двух народов или чисто человеческая симпатия между двумя представителями враждующих сторон?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-088257-1

© Хачатур Исмаилов, текст, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Уважаемый читатель, в основу моего рассказа «Еще 28 минут, или Карабахский гамбит» легла одна история, произошедшая в моей жизни на самом деле. И еще две истории, о которых я слышан от людей, кому я доверяю как самому себе. Остальное — художественный вымысел и мои рассуждения, основанные на беседах с моими русскими, армянскими и азербайджанскими друзьями, не связанными с армией или с политикой. Неоднократно раздумывая о судьбе двух родных мне народов, изучая аспекты возникновения и развития конфликта, я пришел к пониманию, что возможны и иные решения вопроса, помимо того, о чем постоянно говорят политики с той или с иной стороны...

Будучи советским человеком по своему воспитанию, родившись в Армении, в смешанной армяно-азербайджанской семье, я не могу в настоящее время поехать в Азербайджан, потому что у меня армянское имя. Так же я не могу поехать в Армению, потому что у меня азербайджанская фамилия. Я живу в далекой Канаде, одинаково скучая по Девичьей

Башне в Баку и по горе Арарат на границе Армении.
И по той же причине я пишу свой рассказ под псевдонимом Хачатур Исмаилов, что переводится с армянского и азербайджанского языков почти одинаково: Дающий Веру!!!

Вот поэтому, одинаково переживая за боль двух некогда братских народов, я решил написать данный рассказ. Это история о любви к родине и доблести, о чести и справедливости, о любви и ненависти, о мести и об умении прощать. Это история о вере...

Желаю приятного прочтения.

С уважением,

Хачатур Исмаилов

Х. Исмаилов

**ЕЩЁ 28 МИНУТ,
или
КАРАБАХСКИЙ ГАМБИТ**

Повесть о добрососедстве и вражде
двух некогда братских народов

*Основано частично
на реальных событиях*

*Не отвечай злом на зло,
иначе злу не будет конца...*
Сиддхартха Гаутама (Будда)

Лучи солнца, выкатившегося из-за горы Сатанахач¹, нежно освещали Севанский горный хребет², берущий своё начало от берегов озера Севан³ и простирающийся вдоль границы Армении и Азербайджана. Светило, как бы стесняясь своего появления, медленно восходило на небесную высоту. Было ещё зябко, но утренняя прохлада смиренно отступала под натиском июньского солнца. Слышалась заливи́стая трель соловья, которому осмеливался

¹ Сатанахач (Коджадак) — гора вулканического происхождения высотой 3919 м, находится в Азербайджане, на границе с Арменией. Название горы переводится на русский как «Крест сатаны».

² Севанский (Шахдагский) хребет — горный хребет в системе Малого Кавказа длиной около 70 км, высотой до 3367 м над уровнем моря; тянется вдоль северо-восточного берега озера Севан, по границе Армении и Азербайджана.

³ Озеро Севан — высокогорное пресное озеро, которое называют лазурной жемчужиной Армении.

бросать вызов полевой жаворонок, эпизодически перебивавший солиста лесного и полевого в данном случае песнопения.

На обочине дороги примостился серебристый внедорожник марки «Сузуки». Рядом в поле, слушая пение птиц, стояла женщина лет семидесяти и, подбоченясь, смотрела на сына, собиравшего для неё светло-жёлтые полевые цветы, получившие в народе название «джангулюм»¹. Они нежно пахли нектаром и нигде, кроме Армении, не встречались, как считал собиравший их мужчина. Он, во всяком случае, нигде не видел этих дивных цветов — ни в одной стране, а он много где побывал. Хотя, безусловно, и догадывался, что они где-то ещё наверняка растут.

Уже через пять минут машина на большой скорости мчалась между высокогорным озером Севан и залитыми солнечными лучами горами Севанского хребта, с лёгкостью преодолевая выбоины грунтовой дороги.

Артак приоткрыл левое окно своего внедорожника.

¹ Джангулюм — так в Армении называется первоцвет весенний, или примула весенняя. Это растение встречается в Европе и Азии; предпочитает луга, поляны, опушки.

— Люблю утренний воздух Армении... Тебе не холодно, мам-джан¹? — обратился он к сидевшей справа от него женщине, которая держала в руках букет полевых цветов и, почти не отрываясь, вдыхала их чудесный аромат.

— Нет, конечно, о чём ты говоришь?! Какой может быть холод в преддверии июля, Артак-джан? — удивилась женщина. Она слегка ослабила пристёгнутый ремень безопасности, который впивался в её грудь. — Твои братья, между прочим, не заставляют маму пристёгиваться. Со всеми ездила в машинах, и никто на этом не настаивал, кроме тебя.

С нескрываемым раздражением она ещё больше ослабила ремень.

Мама Артака — Карине, или Карине Баграговна — чистокровная армянка, родившаяся в Зангезуре², в нагорной Армении, в городе Горис, что примерно в двух сотнях километров от

¹ Джан — слово, часто употребляемое в армянском языке в значении «дорогой»; подчеркивает тёплое отношение к родным, друзьям, любимым и близким людям. Используется и как приставка-окончание к имени.

² Зангезур — район в юго-восточной части Армении, с 1995 года называется Сюникская область. Административный центр — город Капан.

места, где в тот момент проезжал автомобиль. Невысокого роста, коренастая, но не полная, с короткой стрижкой, круглым овалом лица, прекрасными карими глазами Карине слыла добродушной и очень милой женщиной. Она была красивой, несмотря на наступающие на неё с годами седину и морщины. Ей было за семьдесят, но выглядела она намного моложе своего возраста.

Она была счастлива находиться в родной Армении, и вдвойне счастлива, что наконец-то смогла привезти сюда среднего сына — Артака. Они вынужденно покинули страну ещё в середине девяностых, и с тех пор Артак лишь пару раз прилетал в родные края, и то по работе. Он не любил постсоветскую Армению — точнее, существующие в ней порядки. На постоянные уговоры матери поехать на историческую родину он часто повторял:

— Ну чего я там не видел — те же горы, те же камни, та же вода... И та же власть — несменяемая и непотопляемая. Тот же беспредел, те же наезды со стороны чиновников всех мастей. Что мне там делать, мама? Ты что, забыла, как меня, на тот момент удачливого инвестора, выживали всеми способами, и наконец выжили из Армении, прину-

див продать завод? Там мне не рады, мамочка. К сожалению...

И вправду, за последние двадцать лет Артак был в Армении только дважды. В среднем раз в десять лет. Так он иногда шутливо говорил. Он мог шутить про министров, мэров, про историю и про чиновников... И лишь об одном не шутил — о звёздах в небе Армении.

Артак с детства любил смотреть на ночное небо. Он ещё мальчиком знал названия многих звёзд и мог рассказывать о них долго и вдохновенно, без труда находя их на бесконечном черно-синем небосводе. Став взрослым, Артак пристрастился к путешествиям, и где бы он ни был — в Мадриде или Париже, Берлине или Лондоне, Мехико или Гаване, Барселоне или Афинах, Стокгольме или Мельбурне, Ялте или Сочи — везде он искал звёздное небо, напоминавшее ему то, которым он был очарован с детских лет. Он часами смотрел на пульсары в любой точке мира, куда его забрасывала жизнь, но нигде не встречал такого пронзительно ясного, завораживающего звёздного неба, как в Армении.

Достигнув немалых коммерческих успехов в Москве, он временами говорил, что любит российскую столицу и москвичей, что этот город

стал для него второй родиной. Бывая вдали от Москвы, он скучал по ней, а находясь в столице, скучал по Армении, по её звёздному небу. Он часто повторял, что тяжело жить в городе, где нет звёзд. В Москве их не было, кроме кремлёвских. Случалось, конечно, что одна или две заблудившиеся звезды цеплялись лучами за высотки первопрестольной, но такой щедрой россыпи пульсаров, как в небе Армении, он ни разу не видел. И это печалило новоявленного москвича.

...Как бы там ни было, Артак сегодня в Армении. И его мать этому очень рада. Наконец-то соизволил прилететь на родину предков. Карине Багратовна всё замечала. И то, с каким трепетом сын собирал для неё цветы. И то, как он вдыхал горный воздух, впитавший идущую с озера Севан прохладу. Она даже сквозь дрему заметила, как ночью Артак вышел из деревянного домика, в котором они остановились на берегу Севана, в отеле «Голубой Севан», и долго, пристально смотрел на звёзды.

Потом он зашёл в дом и, свернув в «бурум»¹ матрац вместе с одеялом, простынёй и подушкой, вынес его из комнаты на небольшой балкончик. Там он разложил свою ношу на досках деревянного пола, лёг и стал всматриваться в небо. Так и заснул, глубоко вдыхая окутавшее его армянское звёздное небо, насыщенное озоном.

«И всё-таки сын любит Армению, просто жизнь у него так сложилась», — думала Карине. Он был неплохим предпринимателем средней руки и мог бы, открыв бизнес в Армении, переехать из Москвы в Ереван, считала мать. Тогда бы и она вернулась на родину, по которой скучала. Но Артак и слышать об этом не хотел. По его убеждению, созданный там бизнес-климат исключал всякую возможность нормального ведения дел, если только ты не из провластной команды. Более того, он часто вспоминал историю покупки завода на первых залоговых аукционах в Армении, и с каким настроением он, продав завод за бесценок, покинул Армению.

¹ Бурум — армянский тип бутерброда, который делается из лаваша. В него кладутся, к примеру, сыр или мясо, зелень, и всё это сворачивается в трубочку. Бурум в переводе с армянского означает «в ладони».